

«Выдавали себя за научных сотрудников университета, без разрешения ходили по домам и явно пропагандировали веру»

<https://www.oralhistory.ru/talks/orh-2594>

🎙 1 апреля 2023

Собеседник

Поздеева Ирина Васильевна

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 1 апреля 2023 и опубликована 10 июня 2024.

Введение

В третьей беседе Ирина Поздеева рассказывает о том, как после непростой защиты диссертации по античной истории погрузилась в мир старообрядческой книжности, о первом опыте археографических экспедиций и сложностях поиска книг в отдаленных деревнях, об открытии старообрядческого мира Верхотамья и знакомстве с его обитателями, а так же о том, как важна была в этой работе помощь ректора МГУ И. Г. Петровского и как мешала бдительность чиновников-пропагандистов.

Значительная часть беседы посвящена рассказу о возникновении старообрядчества, который логически связан с последующим расселением староверов по территории Российской империи и с разнообразием их традиций.

Беседа подготовлена и опубликована при поддержке БФСО «Дар» в рамках программы документирования истории образования в России.

Как академик Сказкин спас защиту диссертации

Екатерина Андреевна Голицына: Ирина Васильевна, что за древние книги тут у нас на столе перед вами лежат?

Ирина Васильевна Поздеева: Вы понимаете, я сейчас читаю спецкурс «Определение и описание экземпляра старопечатной книги кириллического шрифта как исторического источника». Для этого мне нужны подлинники. А в доме у меня (*смеется*) сейчас более двадцати тысяч книг, но ни одной древней книги нет. Поэтому мне привезли эти книги из очень дружественного, очень любимого мною женского монастыря в городе Киржач¹. Этот монастырь основан еще Сергием Радонежским в XIV веке. И это поразительный совершенно дух, истинный монастырский дух. Вот они меня попросили год назад приехать к ним и описать древние книги. Они мне уже второй раз дают на время спецкурса свои подлинники, XVII век. Вот, позавчера нашли новые книги и опять привезли, чтобы я определила. Но мне пока было некогда, я знаю только вот, что... А, я одну книгу взяла из этой новой серии, это оказалась без начала и конца «Шестоднев», 1678 года. Вот так что с этим работают мои студенты. Когда я кончу курс, все это вернется в Киржач.

Е. Г.: Потрясающе.

И. П.: Ну что же, продолжим наши рассказы.

Значит, после раскопок в Горгиппии, в Анапе, я сделала доклад об этом на Всесоюзной археологической конференции, а через несколько дней защищала диплом по кафедре древнего мира исторического факультета. Этот диплом я уже делала... поскольку несколько лет работала с археологами, раскапывая античные города, античную культуру, то я смогла в этом дипломе, конечно, уже использовать не только античные памятники, в основном это был диплом по Лисию², по его текстам, но также использовала многие другие, и не только археологические находки, не только ссылки на наши работы в античной культуре в нашем Крыму, но, конечно, на эпиграфику, на многое другое.

¹ Свято-Благовещенский женский монастырь в городе Киржач, по преданию основан Сергием Радонежским в 1358 году.

² Афинский оратор и писатель IV-V вв. до н. э.

Мой любимый учитель, шеф, друг, незабвенный Константин Константинович Зельин, он никогда не хвалил, он только говорил, что можно было бы сделать побольше или лучше. Первая похвала была, когда он прочитал диплом – я ее не забуду – он сказал: «Еще годик и можно защищать диссертацию». Ну, вот с диссертацией, конечно (я поступила в аспирантуру), но с этим было довольно тяжело, потому что тогда, в очередной раз, мне кажется, наши власти решили, что в университете не должны работать самые крупные ученые, которые работают в Академии наук. И однажды не только профессор Зельин, но даже другие известные ученые, которые были членами Академии и работали там, например, Сказкин, академик, пришли на факультеты, а им заявили, что их пропуск ликвидированы и что они больше на факультете и в университете не работают. Вот было такое совершенно безобразное событие, и мне пришлось менять, поступив в аспирантуру... Константин Константинович уже не мог мною руководить, поэтому мне был назначен в качестве руководителя профессор Ольга Ивановна Савостьянова. Она также работала на кафедре античной истории, и я ее тоже хорошо знала.

В аспирантуре было несколько очень важных событий, но сейчас я, пожалуй, не буду этого касаться. Это особая часть моей жизни, очень, правда, значительная, общественная работа. Вот, в 57 году в аспирантуре мне пришлось быть ответственным секретарем Комитета по проведению встречи историков, археологов и искусствоведов на Первой международной встрече молодежи и студентов в Москве. Это была очень большая, очень интересная работа, но сейчас не о ней.

Закончив аспирантуру, я не сразу защищала диссертацию, я поступила на работу в Научную библиотеку имени Максима Горького Московского государственного университета. С сотрудниками отдела редкой книги и другими работниками библиотеки я была хорошо знакома, потому что в 57 году они по моей просьбе вместе со мной подготовили замечательную выставку наших исторических, искусствоведческих, археологических и других исследований, опубликованных в советское время, которые были абсолютно неизвестны за рубежом. И эта выставка имела очень большое значение для проведения самой встречи. Кстати, руководителем Комитета был академик Сказкин. Я поступила в отдел редких книг, как я уже сказала, конечно, с которой мы жили в одном доме, в одном подъезде даже. В общем, конечно, я за несколько лет постаралась освоить максимально и усвоить какие-то знания, которые связаны с историей, с характером, с особенностями именно кириллической рукописной и печатной книги. Особенно изучив то, что было в самом отделе рукописей и старопечатной книги, которые были в отделе редких книг, конечно, это было очень важно для всей моей дальнейшей судьбы.

Конечно, мне пришлось осваивать новую специальность, хотя я довольно много знала о истории Церкви, богослужении, хотя, конечно, хорошо не знала церковнославянский язык, но, тем не менее, здесь мне помогли: Александр Иванович Рогов, наш тогда хороший приятель и друг, помогли и лингвисты, прежде всего Ольга Ивановна [Ольга Александровна Князевская], конечно, с которой мы жили в одном доме, в одном подъезде даже. В общем, конечно, я за несколько лет постаралась освоить максимально и усвоить какие-то знания, которые связаны с историей, с характером, с особенностями именно кириллической рукописной и печатной книги. Особенно изучив то, что было в самом отделе рукописей и старопечатной книги, которые были в отделе редких книг, конечно, это было очень важно для всей моей дальнейшей судьбы.

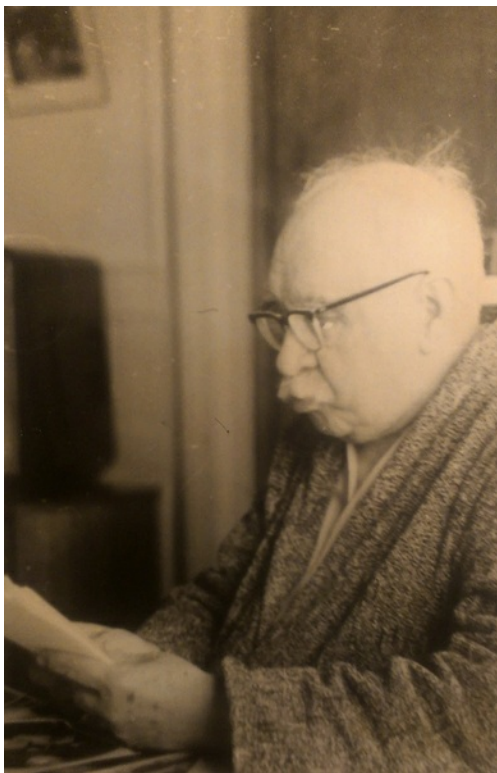
В 1962 году я подготовила диссертацию той же темы, которую мне в свое время еще дал Константин Константинович Зельин³, и в 62 году ее защищала, постоянно работая и, в общем, максимально много изучая в отделе редких книг. В связи с защитой диссертации, я ведь кончала фактически (я говорила это еще, когда речь шла о дипломе), защищала по двум кафедрам – археологии и истории древнего мира. Диссертация у меня тоже была построена так, что в ней использовались самые разные источники.

³ Кандидатская диссертация И. В. Поздеевой была защищена в МГУ по теме «Внутренняя и внешняя политика Афин в 43–387 гг. до н. э.»

И тут произошло, с одной стороны, тяжелое событие, а с другой стороны, оно меня до сих пор радует, я о нем вспоминаю. Тогда на защите, если уезжал или не мог выступить первый оппонент, доктор, обязательно надо было найти специалиста не меньшего, то есть обязательно доктора наук. У меня первым оппонентом был, вообще говоря, известный специалист по римской истории Утченко, конечно, доктор. И вот, за пять дней до защиты (за пять дней!) мне сообщают, что он уехал.

В Москве я не знала больше ни одного доктора наук. Константин Константинович, естественно, не мог защищать; Ольга Ивановна Савостьянова – мой руководитель. Нужно было найти немедленно, за несколько дней, и упросить человека выступить первым оппонентом. Ну что, я в это время, вот после работы по подготовке в 57 году этой международной встречи, хорошо познакомилась с академиком...

Я хорошо познакомилась с академиком Сказкиным, и у меня не было выхода – я позвонила ему и рассказала об истории. Он спокойно сказал: «Привозите работу, приезжайте сегодня же». Я привезла ему работу, и он за четыре дня все это прочитал, довольно большую работу, и выступил первым оппонентом во время моей защиты на историческом факультете.

Академик С. Д. Сказкин. Источник: архив семьи Овчинниковых

Я никогда не забуду те замечательные слова, которые он мне сказал, и как охарактеризовал саму работу. Я благодарна и Константину Константиновичу, и ему, и другим моим учителям, в общем-то, незабвенным, потому что среди них был и Борис Александрович Рыбаков, Неусыхин (особые отношения у меня с ним, потому что я ему сдавала несколько раз курсы), и многие другие. Сергей Павлович Толстов и многие другие, конечно, Артемий Владимирович Арциховский особенно, поскольку я работала в археологии.

Ну, в общем, вот я защитила диссертацию, и дальше встала проблема... Фактически, я с удовольствием вернулась в отдел редких книг и рукописей и продолжала освоение книжной культуры, книги (ранней) русского средневековья, которая затем стала моей основной профессией.

Первая археографическая экспедиция МГУ

Пожалуй, основные события произошли в 1965 году. Ну, я должна сказать, что после защиты диссертации я вышла замуж, в 64 году у меня родился сын, так что, в общем, это уже был не просто свободный аспирант (*смеется*), а хозяйка дома, хозяйка семьи, мать ребенка.

Но, тем не менее, вот в 65 году у нас в отделе сделал доклад зав. отделом редких книг и рукописей библиотеки Ленинградского университета мой к этому времени уже хороший знакомый, а затем и друг Александр Хаимович Горфункель. Он рассказал о своем участии в полевых археографических экспедициях, которые уже несколько лет вел Владимир Иванович Малышев, в общем-то, первый человек, который еще до войны, кажется, начинал эти работы. После войны он достаточно рано вернулся. Это были экспедиции по собиранию редких книг и рукописей в районах исторического заселения старообрядцами, которые не признали книгу послениконовскую, то есть после середины XVII века, когда произошел раскол русской православной церкви.

Конечно, совершенно необходимо было бы рассказать о старообрядчестве, но я думаю, что это будет лучше сделать, когда я буду рассказывать о собственных экспедициях. Вот, Александр Хаимович два года работал в составе экспедиции Владимира Ивановича, который возглавлял древлехранилище Пушкинского дома, который работал в старообрядческих регионах

на севере России, находил и привез уже к этому времени десятки ценнейших рукописных книжных памятников. Поскольку он возглавлял древлехранилище, где хранились только рукописные памятники, то все редкие старопечатные книги, которые находила экспедиция, в которой участвовал Александр Хаимович, поступали в отдел редких книг и рукописей ленинградской университетской библиотеки. В том числе он рассказал о нескольких редчайших книгах, например, о, может быть, самом редком издании Федорова и его московского «Часовника»⁴. Их, кстати, два было. Вот один из них действительно был найден. Так же, как и десятки других редких книг изданий XVI–XVII века, которые были найдены экспедицией Владимира Ивановича на севере и поступили к Александру Хаимовичу.

⁴ «Часовник» – сборник повседневных молитв, который нередко использовался как учебник. От первого издания «Часовника» 1565 г. сохранился лишь один экземпляр (он находится в Брюсселе, в Королевской библиотеке Альберта I), а от второго издания уцелело пять экземпляров. Экземпляр второго издания располагает Российская национальная библиотека в Петербурге.

Поскольку у меня был, как я уже вам говорила, достаточно большой многолетний опыт участия в археологических экспедициях, сначала у профессора Блаватского (которому я также бесконечно признательна), но затем в раскопках, которые уже пришлось вести мне самой в Горгиппии. В общем, конечно, выслушав Александра Хаимовича, я решила, что не боги горшки обжигают. В моем отделе, где я работала, было совсем не так много рукописных и печатных кириллических памятников, и я подумала, что было бы очень неплохо, используя тот опыт, знание книги, который я получила за последние годы, попробовать проводить археографические экспедиции в старообрядческие регионы. У меня в библиотеке была приятельница, очень опытный сотрудник, которая была меня значительно старше, но тем не менее, когда я рассказала ей об идее участия, она сказала, что обязательно готова принять участие в таких работах вместе со мной.

Естественно, когда я сейчас уже с высоты многих десятилетий оцениваю вот эту первую попытку, я понимаю, что вкакой-то степени это был определенный авантюризм, потому что историю старообрядчества я представляла, как представляет прошедший исторический факультет и аспирантуру историк. Но, тем не менее, я занималась специальностью, которая была посвящена античной истории, античным Афинам. Я хорошо знала античный Крым, но не старообрядчество. И, тем не менее, мы с Кашкаровой Инной Даниловной внимательно и очень серьезно подошли к вопросу, куда же ехать. С одной стороны, это должно было быть известное старообрядчество и место, с другой стороны, это должно было быть не так далеко. И, в общем-то, мы понимали, что пока к серьезным работам не готовы. И мы решили поехать поближе к Москве, в один из старообрядческих городков, который был известен как ремесленный торговый центр. В 66 году нам библиотека, слава богу, дала командировочные удостоверения, и мы отправились в первую командировку за редкими книгами.

Понимаете, эти города в Подмоскovie, все попали и были...

Неожиданные находки и «батюшка» Маринушка

Понимаете, лето 66 года, мы думали с Инной Даниловной, что, как всегда, мы найдем окраины города, где обычно поселялись (традиционно жили) старообрядцы, увидим старые дома, которым уже не один, не два десятка лет, и начнем в них работать. Когда мы приехали, оказалось, что старых домов нет, город почти весь был уничтожен во время войны, и на окраинах тоже нет старых домов. Дома новые, построены после войны, хотя, как мы выяснили, жили в них те же старообрядцы. Но ничего не оставалось: мы начали работать в этих домах, и были потрясены тем, что люди, живущие у них, накопили и спасли не имущество, которое было полностью потеряно во время войны, а иконы и старообрядческие древние книги! И у них сохранились и древние иконы, и древние книги.

Мы начали работать в этих домах и в городе, и выяснилось, что в городе осталось после войны одно двухэтажное здание – старообрядческая церковь. Мы отправились в старообрядческую церковь, естественно, показали, что мы работаем от библиотеки университета, что у нас есть командировки, (чуть позже об этом будет разговор), которые, естественно, мы отметили в городских властях. Отправились туда, познакомились со священником, с дьяконом, с несколькими стариками из двадцатки церковной. И нам разрешили. Сначала, конечно, проверили, могу ли я читать кириллицу, могу же я понять, что это – Евангелие, а это – Октоих, разрешили пойти работать с книгами.

Вот тут нас ожидал совершеннейший, сильнейший удар.

Оказалось, что, когда в тридцатых годах, и в сороковых, в начале до войны закрывали старообрядческие церкви (а их было достаточно много, и в окрестностях, и в самом городе) – книги свозили именно в эту церковь. И мы увидели очень большое количество книг, потом выяснилось, что их было более четырехсот. Мы начали, конечно, работать с ними, но, слава богу, что несколько лет я провела в работе с фондами университетских редких книг и могла определить время и характер данного памятника. Естественно, это была старообрядческая библиотека, поэтому, как я сказала, книги были дониконовские, как правило, это были московские дониконовские издания, рукописей древних в это время мы там не нашли, но были очень интересные старообрядческие рукописи XVIII, XIX, начала XX веков.

Ну, знаете, довольно тяжело было там жить... Одна электричка ходила из Москвы (мы приехали ночью), автобусов никаких не было, пришлось идти – нам показали люди, приехавшие вместе, как пройти к гостинице. В гостинице мест не было, но нас пожалели и поселили в так называемую «бытовую комнату», маленькую-маленькую комнатушку, куда влезли две раскладушки, на которых мы все это время и жили, работая с утра и до позднего вечера в церкви. Не буду говорить, как мы питались (*смеется*) – это 65 год, 66 год.

Ну, в общем, мы сумели разделить, внимательно посмотреть хотя бы две трети этих книг, и выяснилось, что там, как это и доказывало справедливость (то, что были свезены сюда книги из нескольких церквей) – была масса дублетов, причем дублетов даже одинаковых: московские издания Евангелия [16]33-го, [16]27-го годов, московские «Минеи» нескольких выходов [16]30-х, [16]40-х годов. Конечно, были «Прологá», ну и остальные богослужебные четьи книги, в том числе замечательные сборники, изданные в Москве в [16]40-х годах: «Кириллова книга»⁵, которую очень широко принимают сами старообрядцы, книга «О вере единой»⁶ и ряд других.

⁵ «Кириллова книга» («Книга иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иеросалимского, на осьмый век») — сборник, напечатанный по указу царя Михаила Феодоровича в 1644 году для полемики с протестантами.

⁶ «Книга о вере единой истинной православной» — сборник 40-х гг. XVII в., который был направлен на защиту православия в полемике против католиков и униатов.

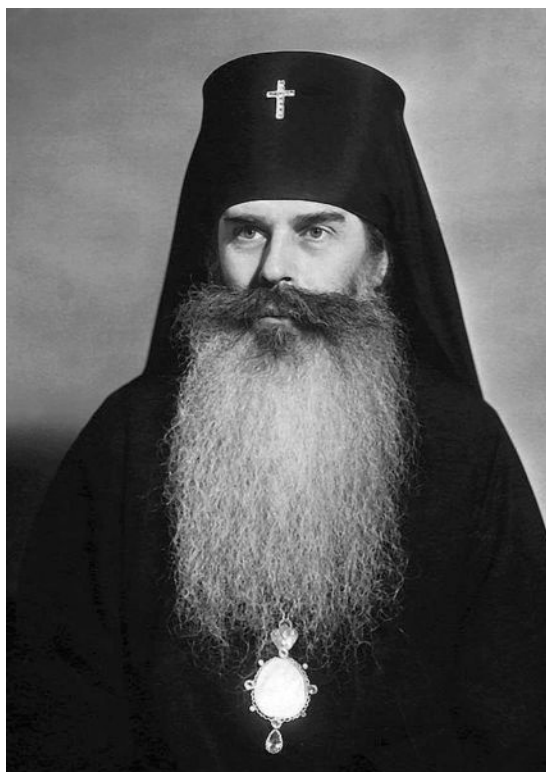

Евангелие 1633 года. Источник: eparh-library.ru

Мы отобрали с Инной Даниловной несколько десятков книг, которые представлены были в этой, даже не сказать, библиотеке, а в этой куче громадной книг в большом количестве экземпляров. Попросили собрать двадцатку, священника, объяснили... и вот это очень важно, понимаете, вот как, зачем нам были нужны эти книги.

Очень важно, чтобы студенты-историки, особенно в те годы (я начала читать в 72 году), ну как, работать со старообрядцами, с глубоко верующими людьми, прекрасно знающими и служебную, и учительную книгу, устав и прочее, с ними нельзя работать, не зная всего этого. Нельзя работать с древними памятниками, если ты занимаешься средневековой культурой, средневековой русской историей, чем угодно, экономикой – нужно знать, что читали, чем жили эти люди. У нас же получилось так, что, когда я начала читать в 72 году богословские курсы... Представляете, 72 год, Московский государственный университет, московская университетская библиотека – не выдавали даже Евангелие, и тем более Библию, не выдавали даже мне, хотя я не была только кандидатом, не профессором, а работала в библиотеке. Тем более не выдавали никому, ни аспирантам, ни студентам, эти книги не выдавали.

Более того, Библия мне была абсолютно необходима, без знания Библии сунуться к староверам было просто невозможно. Где взять Библию? Библиотеки ее не выдают, купить ее невозможно. В это время как раз, я знала, что Московская Патриархия издала Библию (по-моему, в 56 году первый раз издала). И я пошла к человеку, который управлял издательством Московской патриархии. Я буду связана с ним потом много лет, это знаменитый сначала епископ, потом митрополит Питирим. Он выслушал меня внимательно и сказал: «Ирина Васильевна, я с удовольствием вам продам, но я не имею права продать без разрешения, представляете, Совета по делам религий при Совмине СССР, вот мне, чтобы продать вам несколько Библий, нужно бумажку из этого Совета» (*смеется*). Вот в каких условиях мы в Москве работали.

Митрополит Питирим (Нечаев). 1971. Источник: drevo-info.ru

Значит, отправилась я в этот Совет, нашла – где что... и самое главное: там работали умные люди – я завоевала их доверие, и я доверяла им, и это меня через несколько лет просто спасло. Они дали мне эту бумажку, я пошла и купила восемь Библий для своих учеников и для себя самой, вот это условия постижения веры, религии.

Понимаете, в XVII веке не было (и это очень большое значение сыграло при расколе Русской православной церкви), не было неверующих. Человек мог не любить своего священника: вот он такой-сякой, вот он там, прочее, прочее; мог быть настроен против своего епископа, но он обязательно верил в Господа. И поэтому для людей русских XVII века одна из важнейших жизненных задач при всех условиях, был это крестьянин или сын боярина, была задача спасения своей бессмертной души. И поэтому это историческая психология, которая, в общем-то, в это время не учитывалась. Мне пришлось осваивать это все самой, вот с помощью Александра Ивановича Рогова, лингвиста Ольги Александровны Князевской и других людей, которые никогда не отказывали мне в помощи и консультации.

В общем, мы договорились о том, что эти книги по специальному акту, которые мы отобрали, и которые ни сколько... там оставалось, мы брали только дублиеты и маленькие рукописи уже XVIII-XIX века, которые вообще тогда не ценились в церкви. Их, нам просто сказали: «Забирайте хоть сейчас». Но поскольку мы приехали на электричке, мы ничего... А если взять по акту, нужно отвечать за каждую страничку, поэтому мы с Инной Даниловной, очень довольные, уехали в Москву.

Но, в общем-то, мы работали не только в церкви, мы работали со старообрядцами, которые оказались... Мы готовились, в общем-то, к так называемым общинам поповцев, то есть работали в церкви, которые признают священство, которые фактически молятся так же, как и Русская православная церковь, но только по старым книгам, и имеют свою иерархию. А мы столкнулись с так называемыми беспоповцами и, конечно, были потрясены, когда нам сказали в одном из домов, когда мы задали вопрос о конце света, который, так сказать... эсхатологические воззрения очень важны для старообрядцев, нам ответили, что «вот мы-то это не очень знаем, а вот вы поговорите с батюшкой Маринушкой». Стариков после войны, и дальше мы увидим, что стариков осталось немного. И здесь, в беспоповской общине (кстати, поморской общине), руководителями были женщины. Вот первый раз мы узнали о батюшке Маринушке, конечно были потрясены. Я повторяю, что мы очень много узнавали по ходу работы со старообрядцами.

Мы уехали в Москву, библиотека дала нам машину, мы с Инной Даниловной поехали и привезли вот первые свои находки в 1966 году, которые значительно... Это было несколько десятков книг, из них более тридцати XVII века, части из них даже не было в это время в библиотеке у нас в отделе редких книг. Естественно, мы туда привезли (поскольку у нас была опись), сразу привезли руководителям церкви акты за подписью руководителей отдела – то есть соблюли все юридические правила, необходимости, что эти книги все до одной по акту были переданы и приняты в отдел редких книг. В общем, естественно, в дальнейшем, когда мы очень много работали, эти правила нами выполнялись, поскольку это было возможно, а это далеко не всегда было возможно. Но тем не менее вот с первых дней мы старались прежде всего обезопасить людей, которые передали нам эти книги. Привезли. Конечно, это было событием для отдела.

«Работать начинали с лавочек»

Но, в общем, на этом наша история не закончилась. С Инной Даниловной мы продолжали работать, к счастью, нам уже стали давать машину, и вот как это выглядело. В 68 году мы поехали, уже прочитав о нескольких древних селах Ярославской области, где издревле жили старообрядцы. Я расскажу это, чтобы тот, кто будет меня слушать, понял, в какое время мы жили, и какова была наша работа.

Мы поехали – поскольку Инна Даниловна и я работали в библиотеке – мы поехали на майские праздники, когда были свободны. Автобус привез нас в это село. Мы нашли... как говорится, «работать начинали с лавочек»: увидели старух, которые сидели... Это было не только в ярославском этом селе, и в других местах, где мы были первый раз: мы находили кого-то из старых людей, общающихся на лавочке, и выясняли у них очень многое нам нужное. Ну и, конечно, у нас были бумаги от библиотеки, и мы должны были отметить их у главы местного сельсовета. Старухи нам сказали, что его нет, что это праздники, что сельсовет закрыт, там никого нет, и что он, в общем-то: «идите к нему лично, потому что он не любит, чтобы без его разрешения кто-то здесь в селе работал».

Археографическая экспедиция Ирины Поздеевой. 1980. Источник: hist.msu.ru

Послушайте: майские праздники, мы приехали рано утром первого числа – идти, находить дома человека мы не стали, тем более, что мы были всего три дня праздничных. Мы очень хорошо поработали с людьми. Естественно, мы в этот раз не брали никаких книг совершенно. Вот уже в 66 году мы поняли, когда столкнулись с «батюшкой» Маринушкой, мы поняли, что просто брать книги, как сейчас абсолютно принято, это постулат общеизвестный, что в основе христианской средневековой русской культуры, народной культуры лежит книга, лежит христианская книга. Понимая это уже тогда, мы в общем-то понимали, что просто вынуть книгу нельзя. Тем более, я была профессиональным археологом и понимала, что книга должна быть понята и представлена в окружающей культуре. То есть нужно обязательно изучать, всесторонне изучать старообрядчество, изучать ту культуру, которую оно сохранило.

Мы были очень довольны своей поездкой, мы очень подробно поговорили более чем в десяти старообрядческих домах, кстати, богатых очень, где было много икон и много книг. Но мы, приехав сюда, скорее, на разведку, даже не заикались о том, что что-то взять. Почти в каждом доме нам говорили: «А вот вы у нашего председателя-то были?» Я говорю: «Нет, сейчас праздники...» В общем, мы на третий день решили, что надо возвращаться, и работа в библиотеке...

Автобус приходил только один раз, мы пошли на остановку, и оказалось, что после праздников там громадная толпа. Мы договаривались ночевать только две ночи, третью нам негде было, надо было обязательно сесть. Автобус, как все местные автобусы в разные села и деревни в это время, брали с боем. Ну, в общем, удалось мне запихнуть на подножку туда Инну Даниловну и встать, в общем, последней, так что закрывающиеся двери вообще потом меня чуть ли не щелкнули. А сзади какая-то очень пожилая женщина била меня кулаками в спину и орала: «Проклятущая, пусти меня! Проклятущая, пусти меня!» (смеется) Вот эту поездку, вы поймете, почему я ее так хорошо помню.

В общем, потом, через несколько лет, мы уже с настоящей экспедицией были в этих селах и нашли там очень интересные рукописи XVI-XVII веков. Очень много выяснили о судьбе местного старообрядчества. Но результатом вот этой самой поездки было следующее. И это, поверьте, характерно было для той работы. Ну это уже 66 год, мы живем с мужем, двухлетний сын. И вот у нас сидит наш молодой приятель, а нам передали тогда запрещенный совершенно «Раковый корпус» Солженицына, причем даже с его личными пометами, но это другой разговор совершенно. Вот сидит этот молодой человек, читает этот «Корпус», звонок, выхожу:

„**«Здравствуйте, я ваш участковый. Мы получили такое письмо (в общем-то, донос) из Ярославля, что вы выдавали себя за научных сотрудников университета, что вы без разрешения ходили по домам, что вы явно пропагандировали веру. И что, в общем, нас просили выяснить, и чуть ли (там было написано), чуть ли вас не арестовать».**

Конечно, замечательно, я разговариваю с участковым в коридорчике, в правой комнате сидит Сережа, читает «Раковый корпус», прямо во второй комнате спит маленький сын. В общем, оказалось, что очень хороший человек. Он посмотрел, что все стенки, даже коридоры, уставлены у нас книгами, так же, как здесь. Вышел, познакомился с ним мой муж. И, в общем, после разговора и объяснений, я ему показала пропуск университетский, он сказал, что «в общем, мы найдем, как ответить этому человеку, ничего не беспокойтесь, все хорошо».

Но тем не менее такая опасность была все эти годы, потому что, вот я расскажу: наше самое важное открытие, регион, где мы работали ежедневно, ежегодно тридцать лет – как там мне угрожали (*смеется*). Значит, продолжение работы: уже после Ярославля, мы поехали... более того, поскольку мы видели иконы, то мы пригласили сотрудника музея иконы имени Андрея Рублева Киру Тихомирову, и вот три дамы поехали на север посмотреть, что такое действительно выголексинские места⁷ – те места, где, собственно, и сложилось беспоповское поморское согласие, где сложились громадные выголексинские библиотеки – в общем, посмотреть север. Ну и до этого мы еще работали просто вдвоем с Инной Даниловной в горьковских местах вдвоем, и на севере, и здесь. Мы постоянно ходили и поздно вечером, и в незнакомых местах, по лесу. Затем в ветковских слободах⁸, позднее в Брянской области мы оставляли... мы жили в палатках, устраивали лагерь, когда уже была экспедиция, в лесу, и оставляли там одну студентку. То есть было совершенно другое положение. Не было страшно, никто не грабил, никто нас не останавливал, иногда приставали пьяные, но я всегда умела с ними мягко поговорить.

⁷ Крупнейший центр старообрядцев, состоявший из Выговского мужского и Лексинского женского общежития на северо-восточном берегу Онежского озера, у реки Выг.

⁸ Слободы старообрядцев, переселившихся в конце XVII века из Русского царства на остров Ветка на реке Сож (в то время территория Речи Посполитой, сейчас Гомельская область Беларуси). На протяжении почти ста лет Ветка была важнейшим центром белгородской общины.

Ну, в общем, конечно, потом я расскажу об особенностях... – о работе наших уже экспедиций, но это будет чуть потом. В общем, в результате, начав в 66 году, мы собрали за пять лет почти тысячу книг и рукописей для отдела редких книг. На это обратили внимание, и уже докладывала об этом Археографической комиссии. Даже была опубликована небольшая статья о наших первых находках⁹. В общем, конечно, библиотека получила... примерно 950 памятников было найдено. Из них две трети были XVI и XVII веков.

То есть, вот возможности тогда работы и ее сложности и трудности. Это, правда, не все трудности, о которых я рассказывала.

⁹ Поздеева И. В. Археографические экспедиции Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ в 1966—1967 гг. // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 254–261.

Три научных ставки на истфаке

Но, в общем, у нас ректор, совершенно исключительный был ректор, большой любитель книги, книголюб, академик. И вот в 71 году Валентин Лаврентьевич Янин, один из самых замечательных людей исторического факультета, умица, абсолютно преданный своему делу, который открыл нам новгородскую цивилизацию, открыл нам письменные памятники берестяные, которые вместе с профессором Зализняком сделал в самом конце жизни замечательное открытие, найдя новгородскую церу¹⁰. Первый текст, когда говорилось на славянском языке, в форме церы (принятый как записная книжка в Древней Греции), вот на которой был текст двух псалмов Псалтыри, который датируется концом X – началом XI века. То есть, самый ранний. Поскольку мы знаем Остромирово Евангелие и другие – это уже XI век, развитой XI век.

¹⁰ Новгородский кодекс («Новгородская псалтырь») — древнейшая известная книга Руси, обнаруженная в 2000 году, которая состоит из дощечек с четырьмя страницами (церами), покрытыми воском.

Вот Валентин Лаврентьевич Янин взял меня за руку, в прямом почти смысле слова (*смеется*), и отвел к ректору. Да, ректору Петровскому. Я бы сама никогда на это не решилась, даже представить не могла, но ректор знал о наших находках, и Янин меня предупредил. Ректор был поразительный. К нему можно было попасть, после этого никто так не.... Можно было попасть любому человеку, записавшись, но времени давалось пять минут. Если за пять минут вы заинтересовали ректора, он разговаривал с вами сразу. Если нет, то идите своей дорогой. Вот он спросил: «что вам надо?» Я сказала, что нельзя просто собирать древние книги (конечно, это очень важно и прочее), но нужно изучать культуру, основу которой составляли книги. Культуру, как мы увидим дальше, старообрядцы во многом сохранили традиции, культуру древнерусского народа. Они и сейчас, старики говорят: «Мы все храним, как у дедов и “правдедов” наших было». Иван Георгиевич Петровский, действительно поразительный человек, спросил, что мне нужно. Я говорю, что нужна какая-то хоть маленькая организация, которая бы профессионально занималась не только сбором книг, но подготовкой студентов, поскольку, говорю, что мы начали, в общем, вслепую работать. Нужно создавать серьезные экспедиции. Вот мы, когда работали на севере с представителем, с сотрудником Рублевского музея, собрали для них, она собирала целый ряд икон древних и новых, поздних северных писем. И мы реставрировали, она была еще, и конечно, как и каждый, кто занимается иконой в то время, реставратором, мы взяли с собой все, что нужно, и заклеивали в закрытых церквях те иконы, которым угрожала гибель. То есть мы очень много здесь делали такого, что было необходимо уже для серьезных экспедиций, хотя мы ездили тогда по северу втроем.

В. Л. Янин и И. Г. Петровский с супругой у церкви Николы на Липне, Новгород, 1967. Источник: novgorod-iss.kamiscloud.ru

Ректор тут же при мне и при Янине вызвал проректора и сказал, что вот им нужно три научных ставки. И спросил меня: «А где вы хотите, чтобы я вас, так сказать, устроил, приказал создать эту Археографическую лабораторию?» Я говорю: «Понимаете, археография – наука не столько историческая, в общем, и историческая, и филологическая. Это же работа с памятниками, с книгой, с рукописями». Я сначала сказала о филологическом факультете, вот почему. Понимаете, уже в 69 году ко мне пришли девочки с филологического факультета, с третьего курса, и рассказали следующую историю, что их профессор написал Малышеву с просьбой взять его учеников в экспедицию. А Малышев ответил: «У вас есть своя экспедиция, вот и говорите с Поздеевой». В общем, они пришли. Профессор Кусков, очень много помогавший мне во многих начинаниях книжных, не только работе со старыми книгами, он очень помогал в тех Всесоюзных выставках, которые потом я делала вместе со своими коллегами, к юбилею победы в Великой Отечественной войне, к юбилею Октябрьских событий и прочие. Он позвонил мне сам и послал девочек. Я понимала, что это очень большая была бы помощь. Начала с ними заниматься. В общем, сейчас это те, кто пришли ко мне первые. Это профессионалы, это уже немолодые люди, как вы понимаете. Но тогда это незабываемое совершенно... У меня был такой закуток в отделе редких книг. Девушки приходили туда, я им начала читать лекции. Они знали язык, что было очень важно. В общем, они стали работать со мной, эти девочки, несколько человек. Сейчас это все известные люди.

Но вернемся к академику Петровскому. Он сказал: «Ирина Васильевна, не советую вам, филологический факультет не очень подвижный» – «Ну, – говорю, – прекрасно, я сама окончила истфак. Куда?» Ну, в общем, это было, конечно, ближе всего к кафедре источниковедения российской истории, которую возглавлял в недалеком будущем академик Иван Дмитриевич Ковальченко. И ректор дал три научных ставки (две ставки старшего научного, одну младшего) для создания археографической группы на кафедре источниковедения отечественной истории исторического факультета.

Ну все было не так просто, потому что на факультете сразу же отняли одну ставку старшего. В группе оказалось двое младших. Старший, естественно, у меня был. И мы начали работать на кафедре. В общем, конечно, я всегда... хотя это была очень трудная работа, потом, может быть, я расскажу вам почему. Ну, может быть, сейчас, потому что в 71 году была создана эта группа, и я перешла из библиотеки в состав преподавателей исторического факультета в качестве старшего научного сотрудника. Естественно, те, кто работал со мной, уже было несколько человек, кто уже несколько раз был со мной в экспедиции, в том числе взяли очень важного человека для развития полевой археографии в университете Майю Михайловну Леренман, и сейчас сотрудницу кафедры Татьяну Александровну Круглову. Вот они, начиная с 71 года фактически почти до конца века работали со мной уже в больших, длительных, очень таких содержательных экспедициях по своим задачам, по своим возможностям. Но пока все это надо было осваивать впервые.

Девочки, которые пришли... через год появился и студент филологического факультета, сейчас это известный доктор наук Василий Васильевич Калугин, и несколько других людей, которые сейчас уже известные ученые, они поехали со мной. Мы начали работать уже в 70, в 71 годах в замечательном районе. Это район одного из направлений старообрядчества, признающего священство, так называемое беглопоповство. Понимаете, вот я все время наталкиваю на то, что нужно рассказывать историю старообрядчества. Иначе человек, который не знает этого...

Вера «правдедов»: исторический экскурс

Слушаем, что такое беглопоповство. В истории старообрядчества после раскола Русской православной церкви, гибели в конце XVII века руководителей старообрядчества: протопопа Аввакума, Лазаря и других людей (их сожгли в Пустозерске), после этого собственно началось массовое движение по уходу, по отказу от Русской православной церкви. Поскольку тысячи, десятки тысяч людей верили, что внутри православной Церкви они свою бессмертную душу не спасут, и что они могут использовать только те книги, те обычаи, тот характер службы и веры, который был до патриарха Никона. Раскол произошел из-за очень многих причин. Большинство людей даже отдаленно не представляют причины раскола. Вот я недавно слышала экзамен одного из аспирантов-историков, который сказал, что раскол произошел из-за того, что православная церковь стала пользоваться греческими книгами, а староверы не знали греческого и отрицали это.

Понимаете, вспомните, с чего начался XVII век: Смута, разгром центральной России, победа народного ополчения под руководством гражданина Минина и князя Пожарского, длительное и тяжелое восстановление разрушенных, ограбленных церквей и даже земли, поскольку за время смуты многие пахотные земли просто заросли. Но тем не менее к середине века Россия восстановила полностью свои силы, но народ прекрасно помнил и навсегда сохранил... написано много повестей специальных о смуте, о роли ополчения Минина и Пожарского, освобождении Москвы от захватчиков, о Лжедмитриях. Вообще это сложный и очень важный... и очень часто трагической истории Смуты и победы над ней.

Но помните, с чем связана середина XVII века? Именно тогда возникает пословица «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», то есть после Смуты до середины XVII века, до Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 года идет постоянное и достаточно быстрое закрепощение крестьянства, превращение свободных, затем полусвободных крестьян в крепостных. Не буду рассказывать, что такое крепостной крестьянин, в каком бесправном положении он находился. Вот тогда возникло... было сначала разрешено, после Юрьева дня, когда вся уборка заканчивалась, и все работы с новым урожаем заканчивались, крестьяне могли переходить от одного владельца к другому. А к середине века Юрьев день был запрещен, переход всякий был запрещен. Вот откуда это «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». То есть в 1649 году Соборное уложение царя Алексея Михайловича знаменовало собой закон о полном закрепощении крестьян.

Произошло и очень много другого. Прежде всего, ухудшение жизни было связано с верой в то, что Никон, проведя церковные реформы, отказался от веры отцов. Когда были святые, когда была свобода, когда крестьяне могли чувствовать себя свободными. Значит, вот такое действительно закрепощение сотен тысяч крестьян, а Россия и тогда, и позже была страной крестьянской. Реформы Никона, которые целый ряд вещей резко исправили. Ну, очень многое, например, возникло, особенно это в Пскове, в новгородских местах, представление о «сугубой аллилуйе». То есть, не зная истинного значения слова еврейского «аллилуйя», решили, что после слова «аллилуйя» надо только два раза повторять «Слава тебе, Господи!». А «аллилуйя» – это не значит точно «слава», это значит призыв «Восславим Господа!» И дальше должно требовать (поскольку речь идет о вере в Троицу), нужно было три раза повторить «Слава тебе, Боже!», то есть в честь трех. Вот возникло представление, что это ересь, что надо только «сугубить» аллилуйю. Поскольку считали, что слово аллилуйя само по себе и означает «Слава тебе, Боже!»

Понятно? Вам понятно?

Е. Г.: Да, конечно.

И. П.: Хорошо. Ну, этого мало. Вот Никон отказался... Хождение – вы знаете, крестный ход – хождение по солнцу или против солнца. Очень много таких вот не столько богослужебных, а скорее обычаев было исправлено и возвращено к правильному произношению. Но если бы речь шла только о таких не столь принципиально важных вещах, которых, кстати, было много. Вот, например, очень важная такая вещь – имя Иисуса Христа. После Никона и сегодня обязательное и написание Иисус. Староверы принимали форму написания второй ипостаси Господа как Исус. А это уже касалось каждого. Важнейшее, так сказать, неправильное... считали неправильное произношение имени Бога – это страшный грех.

Каждого касалось еще одно нововведение: возложение на себя крестного знамения. Каждый многократно в день, видя церковь, подойдя к иконе, принося какое-то начало дела и прочее, должен был возложить на себя крестное знамение с соответствующими словами. Так вот, до Никона (правда, это не всегда было) было двуперстие. То есть возлагали на себя крестное знамение двумя перстами. Никон же вслед за греческой церковью повелел возносить крестное знамение тремя перстами – троеперстие. Это уже касалось каждого. И те, кто пошли вслед за Аввакумом и его соратниками, они считали, что это дьявольское сложение перстов, что перстами нельзя класть на себя троеперстие, нужно обязательно возвращаться к двоеперстию, ссылаясь на древние иконы и на прочее и прочее. То есть вы видите, что здесь речь идет о расколе в серьезных вещах.

Патриарх Никон беседует сузником-старообрядцем. Миниатюра на рукописи XIX в. Источник: zelomi.ru

Но еще более серьезных, понимаете, – текст Символа веры («Верую во единого Бога Отца Вседержителя...») – Символ веры, который фактически содержит основные постулаты христианской православной веры, основные постулаты, основные правила, основные законы, основное, так сказать, содержание самой веры. И это нужно... В церкви каждый верующий произносил Символ веры, и это было его, символ его веры в Господа. Так вот, содержание Символа веры – несколько слов – было изменено. Ну здесь довольно сложно объяснить, потому что перевод с греческого... В греческом было такое время – аорист. Вообще-то, там было три будущих и несколько прошлых времен, и вот аорист, который был использован в Символе веры, перевести точно было невозможно, и поэтому там, значит, возникли иные слова. Так же, как очень важный для староверов текст, который возник в результате выступления Ария, который (наверное, вы помните), это первая крупная ересь – арианство – которая отрицала божественность Иисуса Христа, которые называли не Богородицей, а Христородицей, и считали Христа не второй ипостасью Господа, а просто одним из пророков. Вот во время возникновения этой ереси в Символе веры, где говорилось, что «верую во единого Бога Отца Вседержителя и в Сына Божия рожденного, а не сотворенного» – «...а не сотворенного» возникло в результате... было добавлено в результате подчеркнуть ересь Ария. И вот сейчас Никон убрал «а» противительный союз – «рожденного, не сотворенного». Отсюда знаменитое высказывание Аввакума, которое связано со всей историей старообрядчества: «Умрем за единый аз», то есть категорическое неприятие нового текста (он не новый, но измененного чуть-чуть), текста Символа веры.

Ну было-то много всего остального, я не буду это рассказывать. Изменений было достаточно много, но была еще одна серьезнейшая причина. Дело в том, что вторая половина века, перед Россией встает выбор – оставаться закрытой, изолированной от остальных очень быстро развивающихся стран Европы, или установить прямые отношения с Европой и, самое главное, со славянскими христианскими странами. Вы помните, [16]57 год, присоединение Украины. А в России уже во произошли эти изменения вроде сугубой аллилуйи, еще нескольких изменений обычаев и определенных характерных черт христианского православного богослужения по сравнению с той же Украиной, которая гораздо ближе была к Афону, к греческим, к Византии, откуда мы получили всё: и веру христианскую, и язык, и книги. И вот староверы, которые считали, что самое страшное – это отказаться от того, как жили отцы и «правдеды» наши, категорически были против сближения с реформационной и, как они считали, действительно католической Европой, и резко, категорически выступали против движения России в сторону снятия исключительности, закрытости. Ну и вы, наверное, знаете по истории, что начинаются прямые связи с Европой. Петр – это уже обучение в Европе. Недаром Петра большинство старообрядцев в свое время считали антихристом, поскольку вот он продолжил это величайшее направление русской истории – переход из русского средневековья к истории нового времени.

Но мы вернемся только к одному – к пониманию вот этого самого беглопоповства, куда мы поехали уже в самом начале 70-х годов, после создания археографической группы на историческом факультете. Широкое распространение старообрядчества произошло даже не после того, как были осуждены на соборах с участием западных православных патриархов (осуждение руководителей, возглавивших движение будущего старообрядчества), а началось после того... Знаменитейшие Соловки, которые были одним из самых почитаемых центров русского народа, религиозным центром, и к тому же были, постоянно были форпостом, были крепостью. Несколько раз они отражали английский флот, но вот Соловки отказались от книг, которые были напечатаны Никоном после его прихода к власти, после 1652 года. Кстати, он был единственным претендентом, единственным кандидатом после смерти патриарха на престол русской православной церкви. Он несколько раз отказался и заставил присутствующих, в том числе и царя, и других встать на колени и поклониться, что ни царь, никто не будет вмешиваться в его управление церковью. После этого он стал... в свое собственное полное управление получил Печатный двор, и началась одна из самых непринятых старообрядцами реформ: реформа печатной книги, то есть основы богослужения, основы веры. Ну я не буду говорить сейчас о Никоновской справе¹¹. Во многом она была объективной, очень во многом поспешной и ошибочной. Но, в общем, эти книги, как я уже сказала, не признали старообрядцы. И вот развитие старообрядчества, которое само движение, возникшее после реформ Никона до [16]70-х годов, в основном в нем участвовали священники, то есть клир. Единственный архиерей Павел Коломенский¹², который не признал реформ Никона,

он, в общем, был сослан и погиб. Другие архиереи перешли сразу же на сторону руководителя, на сторону патриарха, и началось, значит, гонение, ссылки руководителей раскола. Повторяю, что пока еще это раскол проходил в кругу самой Церкви.

¹¹ Процесс редактирования текстов переводов богослужебных книг и перевода Библии.

¹² Епископ Павел (ум. 3 (13) апреля 1656) — епископ Русской православной церкви, епископ Коломенский и Каширский. Почитается старообрядцами как первый мученик-старообрядец.

Воевода Мещеринов подавляет Соловецкое восстание. Лубок XIX в. Источник: wikipedia.org

Но вот Соловки, повторяю: знаменитейший тогда монастырь – не принял новых книг Никона. Отказался от перепечатанных книг, отказался во многом от реформ Никона. Соловки... Послали отряд воинский. Соловки заперлись в своих неприступных стенах. И несколько лет было этой осады. Взяли монастырь только из-за предательства. Там были тайные ходы под монастырь. Вот один из знавших (не знаю, монахов или этих самых... монастырских служителей) открыл этот вход – войско ворвалось. В монастыре была страшная расправа. В 1674 году монахов просто уничтожали: вешали на дыбу, морозили в океане зимой – уничтожали всяческими способами. Очень жесточайшая расправа. Потом даже царь отозвал и сослал военачальника, который все это допустил. Но, тем не менее, вот после падения оплота, поддерживавшего старую веру, так называемую, старообрядчество ушло в массы. Масса людей стали бежать из центра, уходить «в окраины», «на окраины» России, где и создавались крупные старообрядческие общеземельства.

Вот сначала такое общеземельство, очень крупное – несколько старообрядческих монастырей – были созданы недалеко от границы с Россией, отчасти на землях Брянщины, отчасти Гомельщины. Там было создано несколько монастырей. Туда бежали тысячи людей, и был создан целый большой круг монастырей, общеземельных монастырей, которые не признали реформу Никона. Ну, очень хорошо. Значит, сначала не признали реформу Никона, но для них было абсолютно необходимо всё, что требовало от жизни человека христианской православной веры, то есть надо было крестить, люди не могли жить в браке, пока их не венчали, нужно было отпевать. Могли это делать только священники, пока были живы священники дониконовского поставления, понятно, то есть те, которые были поставлены в священники до патриарха Никона. Но к концу XVII века они почти все ушли из жизни. И поэтому вот на Ветке, как стал называться этот центр, ветковско-стародубовские слободы возникли вокруг этого центра, очень крупного. Там возникла церковь на древнем антиминсе. Там были сначала священники, которые были дониконовского поставления, но они умерли. Что делать дальше? Людям надо крестить, нужно венчать, нужно отпевать и прочее, и прочее, причащать. И тогда возникло так называемое беглопоповство. То есть эти люди в ветко-стародубовских слободах и в монастырях стали принимать беглых попов, которые поставлены Никонем или уже значительно после Никона, но во второй половине XVII века. Их сначала переkreщивали, что, в общем, совершенно канонически неправильно. Потом, в конце концов, они просто приносили отречение от сатаны. И вот так возникла церковь Беглопоповская, центр ветко-стародубовские слободы. Там сохранился центр до сегодняшнего дня. Сохраняется центр в Новозыбкове, где есть... Сейчас, кстати, он уже давно не называется беглопоповством. Там уже свои поставления, свои священники. Но конец XVII века, мы говорим о беглопоповстве. Вот в эти слободы ветко-стародубовские слободы, сложившиеся вокруг центра монастырей, монастырей, которые стали знаменитыми, с письменной школой, количеством книг, умением знаменитым, ветко-стародубовские монастыри были знамениты умением петь по крюкам. Вот богослужебное пение, которое до конца XVII века сохранилось, по особым невам, которые называются крюковое пение, знаменный распев. Вот там было высочайшее, считалось, что высочайшее мастерство этого пения. Поэтому в этот центр очень многие из России бежали от Церкви, принявшей никоновские реформы. Причем тогда между этими слободами и Россией была граница. Это были польские земли. Земля ветковско-стародубовских слобод принадлежала польским панам Халецким. Это была их земля, но они особенно этим не интересовались, на них жили бежавшие из России старообрядцы, жили свободно.

Единственное, они должны были платить Халецким чин за убийство. А так это было поразительное совершенно государство в государстве, которое управлялось руководителями монастырей, которое строго следило за характером веры, обучением в старой вере, пением и... древних богослужебных традиций. Вот поскольку там сохранился центр в Новозыбкове этого направления старообрядцев-поповцев, мы отправились туда...

«Отец за них погиб, и я за них сидел»

И вот уже в начале 70-х годов мы уже в составе целой экспедиции, 71 год, я вам говорила, создана археографическая группа, исторический факультет университета уже дал нам машину, это были оформлены экспедиции, то есть со мной поехали и филологи, и несколько человек, которых можно было оформить в эту экспедицию. Мы отправились на Брянщину и Гомельщину. Понимаете, абсолютно вот, к сожалению, даже вы, и особенно моложе вас люди, абсолютно не представляют, насколько преследовалась церковь в это время. И тем не менее мы каждый раз умели доказать не просто свое уважение, а самое главное: знание и понимание старообрядчества.

Вот такая история одного из первых лет, когда мы поехали на нижегородскую землю (это 68 год, я говорила). Выяснили у местных пожилых бабушек, что вот надо зайти в тот дом, там живет сын священника старообрядческого и что у него было много книг. Ну вот я пошла, подхожу к дому – большой, дерева там сколько угодно, поэтому почти все дома были богатыми, двухэтажными, большими... Подхожу к дому – сидит на крыше и чинит крышу мужчина с большой бородой, черные волосы, большая борода, в общем, стучит. Я знала... мне сказали, как его зовут, и я кричу, неважно, там: «Василий Иванович, Василий Иванович!» – «Тебе чего надо?» Я говорю: «Поговорить». – «О чем?» Я говорю: «Вот о вашем батюшке, о вас самих», – он тоже сидел за книги, тоже сидел почти десять лет. «Еще чего тебе надо?» Я говорю: «Вот, хотела бы ваши книги древние посмотреть». – «Вот чего захотела, с улицы пришла!.. За эти книги мой отец погиб в тюрьме, я десять лет просидел». В общем, я его убедила, он спустился. В общем, мы стали друзьями, и, в общем, я, конечно, посмотрела все его книги.

Ну, в общем, надо было преодолевать – этих людей столетиями гнали, столетиями сажали, столетиями уничтожали именно за веру. А мы пришли, как он говорит, с улицы и верой интересуемся.

Вот на Ветке нам пришлось преодолеть вот это недоверие. Но началось для нас все очень удачно. В одной из ветковских слобод нам назвали вдову священника старообрядческого не белгородского, а белокриницкого, то есть другое направление. Сказали: «У нее сохранились книги, сходите к ней». Мы пришли, значит. У меня есть фотография. Она позвала стариков. Я ей все объяснила, рассказала, что вот зачем книги, куда, что по ним буду учиться, что их будут хранить лучше, чем они хранят сами, что вот молодежь, которая не знает... В общем, она позвала двух стариков, которым я в течение полутора часов все это объясняла. И они сказали этой женщине: «Отдай им, это хорошие руки». В общем, она передала нам книги. Причем, когда мы уезжали, она пыталась встать на колени, сказав, что «теперь я умереть могу, потому что муж-то перед смертью сказал: “Храни! Только в хорошие руки отдай, не уничтожай!”» – мы знали целый ряд вещей, там, учительницы закапывали книги, уничтожали. Она говорит, что «вот я умереть не могла, пока его завет-то не выполню» – мы ее подняли, прислали благодарность (к благодарности мы еще вернемся), фотографии прислали: ее, сыновей. Через полтора года от сыновей пришло письмо, что она нас до смерти благодарила, что эту фотографию они поместили на ее крест, когда похоронили, что вот они до сих пор нам признательны. То есть у нас началось с очень удачной находки, с очень удачной работы.

Ирина Поздеева и насельницы старообрядческого скита на р. Колве в Пермской обл. 1970-е. Источник: arzamas.academy

А дальше было довольно страшно, потому что это было очередное наступление на церковь, особенно старообрядческую. В одной из слобод – я нарочно не называю ни людей, ни слобод – когда каждый раз мы приходили, это было категорически... в каждом сельсовете, в каждом исполкоме были люди, которые специально были поставлены на работу с верующими, с церковью. Вот мы каждый раз приходили в эти самые... к советской власти, долго доказывали им, что вот мы тем-то и тем-то занимаемся. Как относилась советская власть, сейчас расскажу.

Страдания начальника маленькой экспедиции

Это уже какой, там? Да, 71 год. Мы приехали в церковь ветко-стародубовских слобод в городе Гомель. И прежде, чем куда-то пойти, пошли в горисполком. В горисполкоме человек, который исполнял вот эти обязанности работы с церковью и верующими, стал на меня орать, в голос: «Я во время революции столько этих книг поуничтожал, столько их сжег, потопил! А ты вот, – все, конечно, на «ты», я почти цитирую – государственные деньги тратишь, разъезжаешь и вот их собираешь». То есть вот отношение. Мы не могли никуда пойти без доклада. Не просто в горисполком – если мы приезжали в деревню, мы должны были найти сельсовет в селе и доложиться там, и убедить людей, что мы занимаемся важнейшим государственным делом. Ну вот это я вам расскажу дальше, сегодня на этом кончим на сепычевских делах.

В общем, мы столкнулись в одной из слобод с тем, что там был сарай большой, под стреху набитый книгами для уничтожения.

Причем взять ничего нельзя было, он был набит снизу доверху, и мы только могли посмотреть, потом нас оттуда выгнали. В общем, это все предназначалось для уничтожения, для сожжения. Поэтому очень многие в эти годы отдавали нам книги, понимая, что они все равно погибнут и их отберут. Мы иногда (есть фотографии), мы же, повторяю, жили в лесу, готовили себе на плитке. Причем я тогда смеялась: вот годы 70-е – начало 80-х – хотела написать о страданиях руководителя маленькой экспедиции. Понимаете, вот когда мы работали в конце зимы-весной, как раз в марте в Нижегородской области в 68 году, чем питались тогда крестьяне. Только что отелились коровы, и молоко шло теленку, это была единственная надежда потом прожить. Питались тюрей, картошки уже не было, ее съели сами, и съели очень охраняемые животные, которые давали возможность заколоть свинью, воспитать теленка. Ели тюрю, то есть квас с луком, в это время уже зеленый лук вырос. Нам платили два с половиной рубля в день, столько стоили яйца. Поэтому ехать надо было с какими-то запасами, тем более была машина. Гречку купить было невозможно. Один раз мы купили сколько-то гречки, потому что с нами поехала студентка, дочка начальника склада, который нам продал десять килограмм гречки. А так мы жили чем: наш замечательный фотограф, вообще мастер на все руки, Александр Борисович Шубин, он варил манную кашу пятью разными способами (*смеется*), добавляя туда то одно то другое. Каждое утро он варил сотрудникам перед уходом отряда и перед отъездом из лагеря, варил манную кашу. Как покупали хлеб? Хлеб... В общем, чтобы купить хлеб, мы не могли стоять полдня в очереди за хлебом, когда его привозили в данную деревню или село. Мы шли и выписывали, показывая свои командировки, что вот у нас восемь человек, нам выписывали несколько буханок хлеба. И мы должны были мимо этой очереди, которая нас проклинала, с заднего входа в магазин купить этот хлеб, потому что без хлеба мы никак не могли прожить. Ну мы покупали картошку, лук – вот так жили. Я говорю: «Страдания начальника маленькой экспедиции».

И тем не менее, мы чрезвычайно активно работали. Очень многие... Вот, скажем, замечательная находка была в одной из стародубовских слобод: нам показали дом двух сестер, брат которых в свое время был руководителем общины. И мы их убедили, они показали, что у них вот больше двадцати лет на сеновале, сверху лежат книги, вот больше двадцати лет. Мы спустили оттуда книги. К сожалению, я тогда была достаточно сентиментальна, и все время мы помнили, что нельзя вынимать все книги, что это основа моления старообрядческого. Мы довольно много книг оставили этим сестрам, а остальные, все XVII века, по-моему, 12 или 15 книг, мы сняли, после того, как они двадцать лет пролежали на сеновале. Мы находили книги в подполах. Вот я упомянула: нас послали к учительнице истории (!) школы, десятилетки, у которой мать была очень верующим человеком и читала на клиросе. Мы спросили ее, она говорит: «Да что вы, да разве я могла их хранить! Я их закопала». Я как в прошлом археолог... значит, она показала, где она закопала. Ну, естественно, от книг ничего не осталось, только следы от деревянного ящика. Но тем не менее, все-таки верующие люди, несмотря на опасность, несмотря на то, что, вот, как сказал этот человек с крыши, что «отец за них погиб, и я за них сидел», несмотря на это, староверы сохраняли, пока были живы старики.

Когда мы путешествовали и работали в этих слободах, конечно, во многих домах, хотя книги и сохранялись, но они не нужны уже были молодым. И поэтому мы очень много собрали. Это великая была удача, потому что мы об этих монастырях знаем только о том, что туда бежали тысячи людей, и поэтому царское правительство послало (граница с Польшей), послало за границу войско, которое окружило эти монастыри, и это называют «первая выводка» Ветки¹³. Вывели оттуда несколько тысяч людей, которые бежали из России (как вы понимаете, крепостных крестьян) и вывели книги. Вот об этом есть в архиве, что сколько, какое количество мешков они вывели. Но в архиве также есть материалы, что, когда вели с Ветки уже по России вели арестованных там староверов, руководители отрядов все время писали, что вот столько-то умерло, столько-то умерло, а на самом деле они отпускали, видимо, за деньги. И поэтому Ветка, как феникс, в несколько лет возродилась. И позднее потребовалась «вторая выводка» Ветки¹⁴. Но это уже более поздние времена, хотя мы все время с этим сталкивались: с колоссальным количеством книг, но уже с мертвой старообрядческой культурой.

¹³ В 1735 году веткинский центр старообрядчества был разгромлен русскими войсками, в Россию было насильственно возвращено свыше 13 тысяч беглых крестьян-староверов — произошла так называемая «выводка» Ветки.

¹⁴ В 1764–1766 годах генерал-майор Я. В. Маслов с двумя полками выселил с Ветки в Сибирь около 20 тысяч староверов. После этого второго разгрома (или «выгонки»), Ветка утратила свое значение в истории раскола.

Сохранилась она только там, где были церкви, центр был вот в Новозыбкове. Мы познакомились с руководителями этой церкви, они тоже позволили нам посмотреть книги наверху. И там мы получили несколько очень хороших рукописей ранних. Ну, естественно, в церкви, работающей церкви, где служат, мы много книг получить не могли, но зато

мы подробнейшим образом поговорили о вере, о том, насколько и как сохранилась эта церковь после войны и во время войны, где еще есть церкви этого направления.

В общем, почему такая удача была, потому что мы действительно очень мало, почти ничего не знаем об этом удивительном месте, которое... были десятки тысяч... несколько крупных монастырей, вокруг возникло более десяти слобод: слобод ремесленных, слобод сельскохозяйственных, которые принадлежали и, так сказать, поддерживали веру этой церкви. Вот, понимаете, мы собрали единственное (несколько лет, правда, немного работая в этих местах), собрали ветко-стародубовское собрание книг, которое дает возможность очень многое сказать о этой церкви, о событиях там. К сожалению, мы единственные, кто это сделал, собрал, и оно хранится, это собрание хранится, доступно для изучения, в Отделе редкой книги и рукописей Научной библиотеки МГУ.

Открытие Верхокамья

Последнее, что я сегодня расскажу, это самое большое, самое удачное наше открытие, хотя мы работали в разных местах, и очень интересно работали, по Волге... Но, к сожалению, это рассказ на десятки часов, это скорее книга. Книга, которую я в свое время хотела написать, назвав ее «В поисках прошлого, настоящего и будущего». Понимаете, уже в это время, в 76 году, была Первая археографическая всесоюзная конференция, на которой я делала доклад о комплексных (!) работах. То есть мы начали изучать не только книгу в среде ее бытования (то, что с самого начала было ясно), но саму среду бытования, изучать ту культуру, которую сохранили старообрядцы, поставив себе задачу сохранить все дониконовское. Ну это чуть позже.

В 1972 году мы решили провести полную разведку, археографическую разведку Пермской области, одной из самых... областей, где более всего жили разные направления старообрядчества. В разных местах буквально была набита до революции эта Пермская область (сейчас это губернский край) старообрядцами. И вот мы проехали, работали на востоке, на севере, и, наконец, мы где-то посередине, в конце самой этой поездки решили обследовать и должны были обследовать места, окружающие саму Пермь. Значит, мы ехали в большое старое, очень в свое время богатое, и сейчас большое село, Сёпыч. Это район недалеко от верховьев Камы. 72 год.

Вообще бы, если шел дождь, мы бы никуда не поехали, потому что были только грунтовые дороги: это глина, это болота, во время дождя останавливались... автобус там ходил только в хорошую погоду. Вот мы ехали, и в это время, поскольку у нас была машина, то было методом, ну естественно, выросшим из того, что когда мы видели людей (а они ходили часто очень далеко, и на моления, и куда-то в другое место), мы подсаживали людей – довозили их, чтоб, в общем... познакомились, нам рассказывали о том о сем.

И вот мы едем уже где-то там километров десять от Сёпыча, сидит у дороги, на пригорке сидит очень красивая старуха. Высокая, в необычной одежде (потом мы поняли, что это древнего покроя сарафан, который дубас называется), с котомкой за плечами вроде рюкзака, палка толстая лежит рядом. Мы остановили машину, девочки пошли к ней: «Бабушка, давай подвезем, куда вам?» – «Нет, нет, я не поеду». Мы решили, что она просто смущается. Значит, ребята настаивают: «Поехали, чего вы боитесь, мы довезем, куда вам надо». Она взяла палку: «Идите вон, никуда я с вами не поеду!» Мы страшно удивились. Так был открыт район Верхокамья, который мы тридцать лет изучали ежегодно, и где сохранилась древняя народная крестьянская культура как система! То есть мы могли проследить, как от книжности зависит сохранение остальных направлений материальной культуры. Это знаменитое Верхокамье. Правда, мы еще тогда так называть не могли, мы не знали, но выяснилось, что там живут староверы беспоповцы-поморцы, которым запрещено... что их община делится на соборных и мирских. Соборные, которых принимают после окончания репродуктивного возраста, и которые уже обычно после пенсии... становятся соборными, которые ведут строго монашеский образ жизни, которые не должны есть ничего, что куплено, сделано в государственной посуде. Скажем, ядрицу они могут использовать, а вот молотую гречневую крупу не могут. Апельсины, которые они там не видели (мы привозили туда несколько этих самых фруктов, не виданных там в те годы), они были цельными, поэтому они могли употреблять. Точно так же они и выполняли монашеские правила, они не должны были сообщаться с окружающей антихристовой действительностью. Они не могли работать на светских людей, они не могли покупать, как я сказала, ничего в магазине, они не могли сообщаться с иными верами. Даже они были строгими чашечниками, то есть они каждый имел свою посуду, и они не могли не только купленное в магазине есть, но сваренное в одном горшке со своими мирскими членами семьи. И вот они не могли пользоваться никаким механическим транспортом. Если бы она с нами поехала, ей надо было несколько недель по двести поклонов класть в качестве наказания за то, что она пользовалась механическим транспортом. Но мы этого не знали, мы узнали это потом.

И вот я могу сказать одно, что действительно ни до, ни после, где бы я не искала: за рубежами, у нас в разных самых краях не только России, но и других стран (тогда СССР), такого региона больше нигде мы не нашли, где бы сохранилась древняя народная крестьянская культура как система. Но это, в общем-то, самостоятельный рассказ. Если вы хотите, чтобы я рассказала так же подробно, а это стоит рассказать, о Верхокамье надо рассказать, потому что ни до ни после, ни в прошлом, ни в будущем мы не имели такого района, где нами зафиксирована крестьянская богатейшая старообрядческая книжность, здесь зафиксирована... Скажем, соборные могли носить только древнюю одежду, скроенную по древним образцам, и только из домотканой материи. То есть это действительно... Когда мы приехали, мы были потрясены, увидев, что в большинстве домов есть небольшие участки ячменя и ржи. Соборные не могли покупать в магазине муку, они сажали свое небольшое поле, с которого могли печь хлеб или, там, делать брагу. Хватит пока, два часа – больше мне трудно.